

Сабадаш Надежда Петровна

ФРАЗЕОЛОГИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПЕРИОДА ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1830-1831 ГГ.

В статье анализируются устойчивые языковые единицы официальных документов периода польского восстания 1830-1831 гг. В ходе исследования выявлены наименования враждующих сторон, схема описания сражений, характеристика русских и польских воинов. Делается вывод о том, что основная функция фразеологии (в принятом в статье широком смысле) в официальных документах - формировать заданное властями восприятие польского восстания русскими подданными.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 150-152. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.1

Филологические науки

В статье анализируются устойчивые языковые единицы официальных документов периода польского восстания 1830-1831 гг. В ходе исследования выявлены наименования враждующих сторон, схема описания сражений, характеристика русских и польских воинов. Делается вывод о том, что основная функция фразеологии (в принятом в статье широком смысле) в официальных документах – формировать заданное властями восприятие польского восстания русскими подданными.

Ключевые слова и фразы: польское восстание 1830-1831 гг.; русская пресса; официальные документы; фразеология.

Сабадаш Надежда Петровна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
nadinehope@rambler.ru*

**ФРАЗЕОЛОГИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ
ПЕРИОДА ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1830-1831 ГГ. ©**

Во время польского восстания и русско-польской войны 1830-1831 гг. в периодических изданиях появлялось много материалов, касающихся происходящих событий. Официальные документы (манифесты, воззвания, указы, приказы, донесения, рапорты, прокламации, отношения) составляли ядро данных материалов. Например, газета «Северная пчела» регулярно сообщала о происходящем в действующей армии не только в колонке «Внутренние известия», но и в особых прибавлениях, которых только в 1831 году вышло более сорока.

В нашем исследовании под термином «фразеология» мы будем понимать «устойчивые фразы разных структурных типов, обладающие различными семиотическими функциями» [17, с. 560], т.е. термин «фразеология» употреблен в данной статье в широком смысле. Предметом исследования стали не только повторяющиеся слова, сочетания, выражения, но и устойчивые формулы и фразы, а также типовые схемы и модели описания происходящих событий.

Несмотря на различное авторство исследуемых текстов (Николай I, Дибич, Паскевич, генералы), их объединяет единство как языка и стиля, так и оценки и описания польского восстания. Возможность выделить в официальных документах устойчивые языковые единицы позволяет создать модель восприятия событий и представить ту точку зрения на польское восстание, которую правительство старалось привить своим подданным: «В своем политическом аспекте фразеология есть массовая и дешевая, лишенная печати авторства репродукция поэтического творческого слова. В этом своем качестве, следовательно, фразеология есть чистая политика, и отсюда ее тесная связь с механизмами и потребностями власти. <...> именно через фразеологию (революционная фраза, политическая риторика, газетная фразеология и пр.) происходит коммуникация (со-общение) между властью и массами» [16, с. 126-127].

Весь период польского восстания 1830-1831 гг., от начала до победного взятия Варшавы, власти прибегали к идеологической риторике, важную часть которой составляла фразеология (в обозначенном выше широком смысле). Целью исследования является выявление состава и функций фразеологии официальных документов в процессе конструирования властями официальной позиции.

Весь публикуемый материал и оценки находятся в пределах антитезы «свой – чужой». Относящиеся к польскому лагерю, т.е. к «чужому», оцениваются негативно. Все то, что связано с семантическим полем «свой», получает положительную оценку.

При анализе наименования сторон и совершаемых ими действий прослеживается отмеченная оппозиция «свой – чужой», «мы – они». Произошедшее в Варшаве было названо «гнусной изменой» [8, с. 1], «обманом» [Там же], «ужасами безначалия» [Там же], «изветом» [Там же], «мятежом» [Там же], «бунтом» [Там же], «обольщением» [Там же], «злодейством» [1, с. 2], «преступлением» [10, с. 2; 11, с. 2], «бедствием» [11, с. 11], «прискорбными смутами» [Там же, с. 2].

Для характеристики участников восстания подбирались существительные, обозначающие людей, которые вносят беспорядок и хаос в окружающее их пространство: «люди злоумышленные» [8, с. 1], «толпа <...> неистовой черни» [Там же], «мятежники» [Там же], «противозаконные сообщества» [Там же], «возмутители» [Там же], «губители родной страны» [1, с. 2]. Также для русского правительства важным являлось подчеркнуть малочисленность групп мятежников: «сборище людей недостойных» [Там же], «кровожадные шайки» [10, с. 1], «горсть молодых людей» [Там же], «горсть людей неблагодарных» [18, с. 1].

Русские, напротив, устанавливают и привносят порядок в государственную организацию Польши: «гнусное злодеяние поколебало внутреннюю тишину страны вашей» [1, с. 2]; «сохранение тишины и порядка» [11, с. 3]; «благосостояние счастливого и спокойного народа» [Там же, с. 2]. Если польские войска распространяют среди жителей занимаемых территорий возмущение и мятеж, то русские войска восстанавливают спокойствие, порядок и утверждают закон, что находит живой отклик у народа Царства Польского: «жители всюду с радостью приветствуют их, встречают с хлебом и солью, духовенство с крестом в руках;

предлагают всякое для войск продовольствие» [15, с. 2]; «жители и ветераны приняли их с восторгом и восклицаниями, изъявляющими покорность законной власти» [13, с. 1].

Описание хода сражений (будь то взятие очередного леса или штурм Варшавы) строится по однотипной схеме. Поляки, как правило, превосходят русских по численности: «неприятель в превосходных силах напал на авангард» [5, с. 1]; «значительное преимущество артиллерии мятежников» [2, с. 1]; «значительное превосходство сил мятежников» [3, с. 1]. При описании стрельбы как со стороны поляков, так и со стороны русских используются устойчивые формулы: «сильный огонь артиллерии мятежников» [6, с. 2]; «сильный огонь нашей артиллерии» [12, с. 1]; «войска наши <...> открыли меткий огонь» [2, с. 3].

Характеристика ружейного огня – единственное, что объединяет в официальных документах оба лагеря. Ведение атаки поляками и русскими уже будет описано различно. Поляки ведут бой с отчаянием и упорством: «мятежники, которые с величайшим отчаянием сражались» [6, с. 3]; «всеми силами атаковал мятежников при Любарстве, где они сражались упорно» [3, с. 1]; «застрельщиков, упорно защищавших дефилею...» [4, с. 5]; «отчаянное сопротивление мятежников» [Там же, с. 6]; «отчаянное положение наших противников» [12, с. 3]; «отчаянной обороны» [2, с. 1]; «отчаянное сопротивление мятежников» [Там же, с. 3].

Упорство поляков заключается в том, что они предпринимают несколько атак, налетов, покушений, пытаясь сломить противника: «неоднократные их атаки» [3, с. 1]; «три раза упорствующие мятежники, возвращаясь с новыми усилиями, возобновляли свои нападения» [2, с. 3].

Если при описании атаки, боя поляков внимание уделено процессу, который не приводит к победе, то в описании характера ведения боя русскими важен результат и успешный исход сражения: «решительная атака» [5, с. 3]; «сим кончилось блистательное сие дело» [Там же]; «блистательного взятия г. Остроленки» [4, с. 4]; «блистательным успехом» [2, с. 1].

Часто подчеркивается быстрота, с которой русские войска атакуют неприятеля и ведут наступление: «сие приказание мое было исполнено с совершенным успехом и с величайшею быстротою» [5, с. 2]; «с одною кавалерию стремительно атаковал мятежников» [14, с. 1]; «они в одно мгновение покрыли валь» [2, с. 2]; «стремительно бросились на приступ» [4, с. 5]. В сражении русские войска обнаруживают бесстрашие, подступая на ближайший картечный или ружейный выстрел: «быстро подвинулись вперед на картечный выстрел» [6, с. 2]; «и бросился их преследовать <...> под самый огонь укреплений» [2, с. 3].

Характеристика качеств войск обоих лагерей также различна. Если польские воины проявляют в основном только упорство, то описание русских войск в документах более дифференцировано и разнообразно. Во-первых, отличительные черты русских войск – храбрость и мужество: «решительный натиск храбрых grenадеров» [4, с. 5]; «отличной храбрости войск наших» [14, с. 2]; «мужество их остановлено было другим...» [2, с. 3]; «храбрые воины» [9, с. 1]. Во-вторых, часто подмечаются хладнокровие, решимость и решительность русских в сражениях: «с одинаковым хладнокровием» [2, с. 3]; «что <...> было исполнено с особенной решимостью» [5, с. 2]; «решительная атака Генерал-Майора Муравьева» [Там же, с. 3]; «опрокинул их решительно на всех пунктах» [14, с. 1].

Поляки занимают выгодную позицию перед сражением, но все равно терпят поражение от русских войск: «Серавский <...> решил вдруг повернуться на Казимерж, где скалы, перерезанное и лесистое местоположение, давали ему надежду <...> остановить и опрокинуть силы вверенного мне отряда...» [5, с. 2]; «настиг мятежников в выгодной позиции» [14, с. 1]; «мятежники, пользуясь выгодным местоположением...» [2, с. 4].

Русские, напротив, несмотря на многие преграды (превосходство сил противника, невыгодная позиция в виду неприятеля, трудная дорога, несколько повторяющихся атак врага), берут верх над поляками и одерживают победу: «Совершенно круглые овраги, большое затруднение провести артиллерию нашу, поставляли величайшие препятствия для быстрого действия; несмотря на сие, ничто не могло удержать стремления храбрых наших воинов» [5, с. 2]; «невзирая на значительное превосходство сил мятежников, мужественно <...> отразил неоднократные их атаки» [3, с. 1]; «Высочайше вверенная мне Армия, при весьма затруднительном походе, в последние пять дней по глубоким снегам, идет с свойственною ей бодростию...» [15, с. 2].

Отступление поляков, которым оканчиваются все сражения, представлено в нескольких вариантах. Русские вносят смятение в ряды неприятеля: «огнем сим неприятель приведен был в замешательство» [5, с. 1]; «Поляки начинали терять надежду; боязнь их возрастала непрерывно» [12, с. 2]; «Войска наши <...> причинили в рядах их чрезмерное расстройство» [2, с. 3]. Во-вторых, поляки отступают, как правило, в беспорядке: «Всю ночь войска мятежников переходили Вислу по мосту в большом беспорядке» [6, с. 3]; «отступали в беспорядке» [4, с. 6]; «мятежников, бежавших в совершенном беспорядке» [14, с. 1].

Часто отступление поляков превращается в бегство: «преследовали бегущих до самого леса» [4, с. 6]; «Кавалерия же мятежников <...> с поспешностью побежала» [14, с. 1]; «...мятежники <...> отражены и преследованы храбрыми Карабинерами...» [2, с. 3]. Если неприятель бежит, то зачастую бросает оружие и, в конце концов, тонет в болоте или реке: «В самую сию минуту Граф Пален левым своим флангом быстро наступил вдоль по шоссе, и с Ольвиопольским Гусарским полком загнал неприятельскую пехоту в болото, из коего весьма малая часть спаслась» [6, с. 3]; «неприятель разбежался во все стороны, бросая свой оружие; многие хотели спастись вплавь через Вислу; но предпринявшие сие, как кавалерия, так и пехота, без изъятия потонули» [5, с. 3]; «следуя с необыкновенною поспешностию, бросая везде по дороге раненых своих, и даже часть оружия, амуниции и тяжестей своих» [7, с. 4].

В противоположность полякам ряды русских войск всегда выступают в полном боевом порядке: «Подполковник Володкович <...> вел в отличном порядке <...> вверенный ему полк» [5, с. 2]; «отступление сего Корпуса <...> произведено было в том отличном порядке и устройстве, которыми всегда славились войска Гвардии Вашего Императорского Величества» [4, с. 1]; «порядок господствует в наших движениях» [12, с. 1].

Повторяющаяся деталь в описании сражений – поле, усеянное убитыми: «отступали <...>, покрывая поле сражения трупами убитых и ранеными» [4, с. 6]; «Потеря мятежников, судя по трупам, на поле сражения оставшимся, должна быть гораздо превосходнее» [6, с. 3]; «путь, по коему они следовали, был усеян отсталыми солдатами, коих войска наши захватывали в плен целыми толпами» [7, с. 4-5].

Последние абзацы документов содержат сообщения о потерях обеих сторон. У поляков всегда потерь больше, чем у русских: «Неприятель убитыми, утонувшими, разбежавшимися и в плен взятыми, конечно потерял до 6 т. человек <...>. Потеря с нашей стороны не превосходит 300 убитыми и ранеными» [5, с. 3]. Заключительная формула документов – наступающая ночь прерывает бой: «С наступившим вечером прекратилось мало по малу сражение» [6, с. 3]; «Темнота ночи прекратила кровопролитный бой...» [4, с. 6]; «только наступившая ночь спасла мятежников» [14, с. 1].

Таким образом, основная функция фразеологии (в обозначенном в начале статьи широком смысле) в официальных документах – формировать у современников восприятие событий, заданное властями. Кроме того, с помощью устойчивых выражений и конструкций, единообразия фразеологического состава официальных документов обеспечивалась однородность информационного пространства, что препятствовало появлению иного взгляда на современные события. Через призму официальных документов русское общество смотрело на польское восстание. Оценки, устойчивые конструкции и повторяющиеся образы, изобилующие в газетных материалах, встречались не только в поэтических откликах на польское восстание авторов второго ряда (И. Бек, Н. Кирилов, Д. Рунич и др.), но и в стихотворениях А. С. Пушкина и В. А. Жуковского, посвященных взятию Варшавы.

Список литературы

1. **Воззвание Николая I к войскам и народу Царства Польского** // Северная пчела. 1830. Прибавление к № 149. № 1. 13 декабря.
2. **Всеподданнейший рапорт Главнокомандующего Действующей Армией, Генерал-Фельдмаршала Князя Варшавского, Графа Паскевича-Эриванского, от 15-го Сентября, содержащий подробности двухдневного штурма города Варшавы, и покорения оного победоносными войсками нашими** // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 220. № 47. 30 сентября.
3. **Всеподданнейший рапорт Главнокомандующего Действующей Армией, от 30-го Апреля из Главной Квартиры в с. Жукове** // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 100. № 20. 7 мая.
4. **Всеподданнейший рапорт Главнокомандующего Действующей Армией, от 19-го Мая из Остроленки** // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 117. № 27. 28 мая.
5. **Донесение Генерал-Лейтенанта Барона Крейца к Г. Главнокомандующему Действующей Армией от 7-го Апреля** // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 85. № 15. 15 апреля.
6. **Донесение Главнокомандующего Действующей Армией** // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 43. № 7. 13 сентября.
7. **Краткое описание действий Гвардейского Корпуса против мятежников, с 30 Апреля по 13-е число Мая** // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 117. № 27. 28 мая.
8. **Манифест 12-го Декабря 1830 года** // Северная пчела. 1830. Прибавление к № 149. 13 декабря.
9. **Приказ Действующей Армии 14-го Октября 1831 года** // Северная пчела. 1831. № 233. 15 октября.
10. **Прокламация Генерал-Фельдмаршала Графа Дибича-Забалканского к воинам Польским** // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 17. № 2. 22 января.
11. **Прокламация Генерал-Фельдмаршала Графа Дибича-Забалканского к жителям Царства Польского** // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 17. № 2. 22 января.
12. **Рапорт Генерал-Майора Берха Е. С. Генерал-Фельдмаршалу Графу Паскевичу-Эриванскому, из Варшавы, от 27-го Августа 1831 года** // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 203.
13. **Рапорт Генерал-Майора Мандерштерна от 24-го Января** // Северная пчела. 1831. № 29. 6 февраля.
14. **Рапорт Главнокомандующего 1-й Армией, Генерал-Фельдмаршала Графа Сакена, от 16-го сего Сентября** // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 215. № 46. 23 сентября.
15. **Рапорт Главнокомандующего Действующей Армией от 27-го Января** // Северная пчела. 1831. Второе прибавление к № 27. № 4. 4 января.
16. **Сандомирская И. И.** О своем. Фразеология и коллективная культурная идентичность // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 121-130.
17. **Телия В. Н.** Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 560-561.
18. **Указ Правительствующему Сенату** // Северная пчела. 1831. Прибавление к № 67. № 11. 25 марта.

PHRASEOLOGY OF FORMAL DOCUMENTS OF THE PERIOD OF POLISH UPRISING OF 1830-1831

Sabadash Nadezhda Petrovna
M. V. Lomonosov Moscow State University
nadinehope@rambler.ru

The article analyzes the stable language units of the formal documents of the period of Polish uprising of 1830-1831. The investigation revealed the nominations of the hostile sides, the scheme for description of battles, characteristic of Russian and Polish soldiers. The author concludes that the basic function of phraseology (adopted in the broad sense of the article) in the formal documents is to form specified by the authorities perception of Polish uprising by the Russian subjects.

Key words and phrases: Polish uprising of 1830-1831; Russian press; formal documents; phraseology.